Елена Денисова-Шмидт (Санкт-Галленский университет)

Вклад лингвистических дисциплин в изучение коррупции

Abstract:
Research about corruption, as well as anti-corruption efforts and reforms, has become more effective through the use of interdisciplinary approaches.

The article presents some developments from the field of sociolinguistics, the theory of lacunae, and Ludwig Wittgenstein's theory of language games, as well as a number of other ideas from the field of linguistics. This study reveals the potential, and emphasizes the importance, of these developments for, to give an example, the adequate formulation of questions and the interpretation of the data obtained. It is often the insider knowledge of a language that helps reveal cultural codes invisible to an outside observer, codes which are important for identifying an act from the point of view of its corruption component. The article is based on empirical materials collected by the author in Russian and Ukrainian.

Keywords: corruption, anti-corruption measures, theory of lacunae, language game theory, sociolinguistics, euphemisms, nonverbal communication

1. Введение

Коррупция – это « злоупотребление доверенной властью для извлечения личной выгоды » (Денисова-Шмидт, Леонтьева 2022: 22). Это самое распространенное определение, предложенное *Transparency International* и используемое в международной практике. Коррупция – это зонтичное понятие, включающее в себя очень много составляющих и подвидов. Коррупция – это не только взятки, мошенничество, подкуп, откаты и распилы, но еще и очень большой диапазон немонетарных практик, например непотизм и фаворитизм (кумовство), конфликт интересов, фальсификация выборов. Исследования в области коррупции, а также антикоррупционные мероприятия и реформы становятся более результативными благодаря междисциплинарному подходу. В статье представлены некоторые наработки из области социолингвистики, теории лакун, теории языковых игр Людвига Витгенштейна, а также ряд других идей из области лингвистики, раскрыт их потенциал, подчеркнута их важность, например, для адекватной формулировки вопросов и интерпретации полученных данных. Зачастую именно язык помогает открыть невидимые стороннему наблюдателю культурные коды, важные для идентификации поступка с точки зрения его коррупционной составляющей. Статья основана на большом количестве

эмпирических материалов, собранных автором в различных постсоветских странах. Вклад в изучение коррупции лингвистических дисциплин как таковых обсуждается впервые[1].

2. Теория лакун

«Лакуны – это пробелы, белые пятна на семантической карте языка, текста или культуры. Они незаметны ни изнутри, ни при рассмотрении одного языка, текста или культуры, но выявляются при их сопоставлении» (Denisova-Schmidt 2023: 175). Большой вклад в развитие теории лакун, их классификацию, выявление и возможную элиминацию лакун, а также в изучение прикладных аспектов применения теории лакун внесли Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина (Марковина, Сорокин 1989; Марковина, Денисова-Шмидт 2021), А. Эртельт-Фиит (Ertelt-Vieth 1990; 2005; Ertelt-Vieth, Denisova-Schmidt 2011; Эртельт-Фиит, Денисова-Шмидт 2007), И.Л. Панасюк (Panasiuk 2005; 2010; 2016), Е.В. Денисова-Шмидт (Denisova-Schmidt 2015; 2019; Денисова-Шмидт 2023), а также ряд других исследователей (см. обзор в Denisova-Schmidt *et. al*. 2020; Grodzki 2003; Panasiuk, Schröder [Hrsg.] 2006; Марковина, Денисова-Шмидт 2021; Денисова-Шмидт 2023).

Рассмотрим два важных термина в антикоррупционной повестке – «*integrity*» и «*whistleblower*», для которых нет прямых соответствий во многих славянских языках. Если, например, термин «*integrity*» в смысле моральных принципов (честности) во многих славянских языках (пока) просто отсутствует, термин «*whistleblower*» (‘осведомитель’) можно перевести на все славянские языки, но многие эквиваленты, которые уже существуют в этих языках, имеют очень негативную коннотацию, чаще всего презрительную, например «доносчик», «наушник», «ябеда» (Черных 1999) или «стукач» (*Большой толковый словарь русского языка* 1998). Теория лакун предполагает, что в таких ситуациях есть два способа элиминировать данные пробелы: один способ – компенсация, а другой – заполнение. Компенсация предполагает максимально полное объяснение термина, в то время как заполнение – поиск других эквивалентов в соответствующих языках (Denisova-Schmidt *et. al*. 2020).

Например, в украинском научном сообществе эксперты и иные лица, принимающие решения, создали новый термин – «*академічна доброчесність*» (‘академическая доброчестность’), нарушение которой может объяснять отклонения и нарушения в академической среде:

> Порушенням **академічної доброчесності** вважається:

---

1 См., например, обзорную статью о вкладе лингвистических дисциплин в изучение международного бизнеса: Tenzer, Terjesen, Harzing 2017.

академічний плагіат – оприлюднення (частково або повністю) наукових (творчих) результатів, отриманих іншими особами, як результатів власного дослідження (творчості), та/або відтворення опублікованих текстів (оприлюднених творів мистецтва) інших авторів без зазначення авторства; формою академічного плагіату є самоплагіат, що полягає у відтворенні без посилання на джерело інформації власних раніше опублікованих текстів;
фабрикація – фальсифікація результатів досліджень, посилань, або будь-яких інших даних, що стосуються освітнього процесу;
обман – надання завідомо неправдивої інформації стосовно власної освітньої (наукової, творчої) діяльності чи організації освітньої процесу;
списування – використання без відповідного дозволу зовнішніх джерел інформації під час оцінювання результатів навчання;
хабарництво – надання (отримання) учасником освітнього процесу чи пропозиція щодо надання (отримання) коштів, майна чи послуг матеріального або нематеріального характеру з метою отримання неправомірної вигоди в освітньому процесі[2].

В долгосрочной перспективе мы увидим, станет ли термин широко использоваться и, что еще важнее, будут ли на практике следовать правилам и ограничениям, которые он подразумевает, в связи с чем в дальнейшем нужно будет либо отслеживать вхождение данного термина в оборот, либо сосредоточиться на более конкретных терминах, которые уже существуют в языке и культуре и которые всем понятны, таких как «обман», «плагиат», «списывание», «фальсификация» или «взяточничество».

В академической среде в России чаще принято говорить об «академической этике» или «академической добросовестности». Вот, например, определение Европейского университета в Санкт-Петербурге:

К числу тяжких нарушений норм **академической добросовестности** Кодекс [академической добросовестности] относит следующие:

- **Присвоение чужой интеллектуальной собственности (плагиат):**
  использование под своим именем чужих идей, формулировок, фрагментов текстов или целостных текстов в буквальном (цитирование без кавычек и ссылок) или перефразированном виде без указания на подлинное авторство и источник. Это недопустимо в научных текстах любого жанра (включая курсовые, экзаменационные работы, компьютерные программы, научные проекты, заявки на издания текстов, заявки на гранты и т.п.).

- **Нечестное поведение на экзамене:**
  – использование запрещенных членом научно-педагогического состава материалов, пособий и технических устройств во время экзамена;
  – незаконное получение информации об экзаменационных вопросах;
  – списывание с чужой работы или разрешение списывать со своей;
  – получение или оказание помощи в виде подсказки.

- **Нечестное поведение при представлении письменных работ:**
  – сдача письменных работ, созданных другими лицами;
  – сдача работ, подготовленных в рамках другого элемента учебного процесса.

2 https://eces.nure.ua/ru/studentam-2/akademicheskaja-dobrochestnost (дата обращения: 8.3.2023).

- **Фальсификация:**
  фабрикация несуществующих источников и данных, а также сознательное искажение заимствованной информации.
- **Присвоение результатов совместных исследований:**
  во избежание этого нарушения в случае работы над совместными проектами каждый обучающийся обязан указать, какая часть работы выполнена им лично, а какая – совместно с определенными (поименованными) лицами.
- **Препятствование работе других обучающихся:**
  – сознательное введение в заблуждение членов исследовательской группы;
  – распространение заведомо ложной информации;
  – создание нерабочей обстановки во время занятий;
  – создание помех для проводимых другими обучающимися исследований или экспериментов;
  – изменение и порча чужих компьютерных файлов;
  – сознательное затруднение доступа другим обучающимся к библиотечным материалам и иной общедоступной в Университете информации[3].

С термином «*whistleblower*» ситуация немного сложнее. На сегодняшний день мне известны только несколько попыток объяснить этот термин на русском языке, которые прямо затрагивают его негативные коннотации и трудное прошлое. Так, например, российское подразделение *Transparency International* («Трансперенси Интернешнл – Россия») в своей «Азбуке антикоррупционера»[4] переводит термин «*whistleblower*» как «заявитель о коррупции», пытаясь при этом сгладить его негативное восприятие: «Не следует считать заявителя о коррупции стукачом или доносчиком. Сообщение о преступлении – достойный поступок, заслуживающий уважения и не имеющий ничего общего с доносительством. [...] В английском языке заявитель о коррупции – whistleblower, “тот, кто свистит в свисток”» (Денисова-Шмидт, Леонтьева 2022).

3. Социолингвистика

Социолингвистика – это наука, которая изучает социальный подход к языку: кто и что может сказать, кому, в какой ситуации, при каких обстоятельствах, когда и где (см., например, Mesthrie *et*. *al*. [eds.] 2010: 4). Сегодняшняя социолингвистика изучает взаимодействия общества, отдельных его групп и языка, различные стандарты, субстандарты, например язык подростков, сленг, арго, просторечие, специальный (профессиональный) язык и некоторые другие разновидности[5]. Все

---

3 https://eusp.org/students/the-code-of-academic-integrity (дата обращения: 8.10.2024).

4 «Азбука антикоррупционера» ориентирована в первую очередь на школьников и студентов.

5 Определение социолингвистики, а также (далее) эвфемизмов, наряду с некоторыми другими пояснениями, представленными в статье, рассчитано на широкую читательскую аудиторию, что еще раз подчеркивает постулируемый нами междисциплинарный подход в изучении коррупции.

это релевантно и для исследований в области коррупции. Так, например, очень важно, чтобы все вопросы были максимально адаптированы для конкретных респондентов с учетом их профессии, возраста, пола и других контекстов; в противном случае будет трудно или даже невозможно говорить о коррупции.

Например, общаясь с представителями украинского бизнеса, мы с коллегами создали гипотетический сценарий, который очень близок к реальности: предприниматель, работающий в строительном секторе, решил баллотироваться на пост мэра города (Denisova-Schmidt, Prytula 2017; Denisova-Schmidt 2025). Как изменится мнение о нем людей, а значит, и количество отданных за него голосов, если избиратели узнают, что он давал взятки, чтобы получить государственный контракт, или, наоборот, если выяснится, что он никогда не давал взяток? Мы также предложили несколько дополнительных условий. Например, пункт о качестве построенных его компанией домов. И затем задали вопрос: «Как Вы считаете, какой шанс у предпринимателя, что горожане его выберут?»

> Представьте ситуацию. Предприниматель ведет свой строительный бизнес в среднего размера городе в Украине. В прошлом году предприниматель [текст А/текст Б]. В результате [текст В/текст Г].
>
> Текст А: отдал 20% размера контракта, чтобы получить выгодный государственный контракт на строительство социального жилья в городе. Слухи в городе об этом ходили, но доказательств не было.
> Текст Б: честно выиграл тендер на выгодный государственный контракт на строительство социального жилья в городе. Слухи в городе об этом ходили, но доказательств не было.
>
> Текст В: было построено качественное социальное жилье.
> Текст Г: было построено очень некачественное социальное жилье.
> 1 – однозначно НЕТ; 2 – скорее НЕТ; 3 – могут выбрать, а могут не выбрать; 4 – скорее ДА; 5 – однозначно ДА.

Это исследование дало очень интересные результаты, одним из которых было то, что респонденты с большей вероятностью проголосовали бы за коррумпированного кандидата, который построил качественное жилье, чем за честного кандидата, который построил некачественное жилье. Другими словами, для наших респондентов взяточничество – это не проблема, а скорее способ добиться желаемого, в данном случае – подписания контракта. Проблема же заключалась в получении плохих результатов – строительстве некачественного социального жилья (Denisova-Schmidt, Prytula 2017; Denisova-Schmidt 2025).

При этом, говоря о коррупции со студентами, мы с коллегами подготовили другие истории, близкие к реалиям, с которыми сталкиваются учащиеся. Например, мы учитывали существующую у студентов необходимость подработки (или частичной занятости и работы по профессии), что не всегда оставляет достаточно времени для выполнения домашних заданий, особенно по так называемым «ненужным» предметам или по предметам, преподаватели

которых сами подают пример нечестного поведения и, например, читают лекции на основе загруженных из интернета материалов (Denisova-Schmidt 2013). В частности, в одном из экспериментов, проведенных в украинских вузах, мы использовали видеоролик, в котором актриса, играющая студентку, произносила текст, написанный на основе реальных событий (Denisova-Schmidt *et. al*. 2019; 2022):

> Я студентка. […] Зараз я навчають і працюю. […] під час навчання стало зрозуміло, що багато предметів зайві і абсолютно не потрібні. Наприклад, «Охорона праці» чи «Безпека життєдіяльності». Конспекти викладачів – майже слово в слово з Wikipedia. Wikipedia – не надто надійне джерело, але по ньому у нас проводилися «пари» […] А ті предмети, які не несуть фактично ніякого смислового навантаження для мого навчання, для мого вдосконалення, як спеціаліста, я намагаюся «вирішити» іншим чином. Зазвичай викладачам достатньо якогось реферату, скачаного з Інтернету. Їх і так ніхто ніколи не читає, а просто ставлять галочку – ти все зробив. Все! Успіх. Щастя. І в тебе є «залік». І я, і багато моїх друзів не відвідуємо подібні зайві «пари», наприклад, «Екологію». Ти можеш завантажити реферат з Інтернету, симпатично оформити, здати і забути про це. Це шалена економія часу.

В обоих случаях – в бизнесе и академической среде – мы говорили о взяточничестве и различных видах мошенничества, которые являются формами коррупции, но мы всегда использовали контекст наших респондентов, что сделало результаты исследований более адекватными.

4. Другие теории

4.1. Эвфемизмы

Для исследований в области коррупции большое значение имеют и другие лингвистические аспекты. В частности, очень важно работать с эвфемизмами («словами или выражениями, употребляемыми взамен других, которые по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести» [*Большой толковый словарь русского языка* 1998]), уметь распознавать их в устной или письменной коммуникации и понимать, что за ними скрывается и почему.

Один из относящихся к советскому времени примеров употребления эвфемизмов в отношении коррупции привел Джеймс Хайнцен (Heinzen 2016): находящаяся под судом за дачу взятки украинка сказала, что «она просто предложила маленький подарочек в размере 10 000 рублей и женские наручные часы любому, кто мог бы помочь минимизировать тюремный срок ее мужа». С точки зрения права (даже того исторического периода) «маленький подарочек» – это не что иное, как взятка, подкуп должностного лица. Интересен также пример Министерства труда и социальной защиты

РФ, которое в 2013 году подготовило антикоррупционные рекомендации для госслужащих. Сотрудникам рекомендовали аккуратно использовать в своей речи такие выражения, как «вопрос решить трудно, но можно», «спасибо на хлеб не намажешь», «договоримся», «нужны более веские аргументы», «нужно обсудить параметры», «ну, что делать будем?», т.е. фразы, которые могут быть восприняты как ожидание монетарной или немонетарной взятки (Denisova-Schmidt, Kudrjavceva 2013).

4.2. Невербальная коммуникация

Невербальные реакции также очень важны в исследовании коррупции. Например, общаясь с бизнесменами на тему коррупции с участием представителей власти, мы с коллегами выявили три типа отношения руководителей компаний к такого вида коррупции. Часть из них подтвердили существование коррупции в своих областях и даже говорили с нами о своих преимуществах, полученных в результате коррупционных схем. Другие, напротив, категорически отрицали существование коррупции как таковой. А ряд респондентов вообще переставали говорить в ответ на этот конкретный вопрос и просто начинали улыбаться. В исследованиях коррупции для этого есть специальный термин — «понимающая улыбка», т.е. улыбка как сигнал о признании существующего культурного или социального явления (Ledeneva 2011; [ed.] 2018). Позже мы даже ввели в анкету дополнительную рубрику и отмечали эмоциональные реакции респондентов на этот конкретный вопрос.

5. Языковые игры

Но самый важный вклад лингвистики и настоящий прорыв в исследовании коррупции и разработке антикоррупционных механизмов связан с теорией языковых игр, выдвинутой Л. Витгенштейном (подробный анализ теории представлен, например, в *Глобальной энциклопедии неформальности* под редакцией А. Леденевой [Ledeneva (ed.) 2018; 2024]). Очень важно использовать язык респондентов, то, как они называют конкретные практики, как они их описывают и как они их оправдывают, чтобы получить реальную картину. Например, в ходе эмпирического исследования, проведенного в 2019 году в пяти городах Дальневосточного федерального округа – Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре (Хабаровский край), Владивостоке (Приморский край), Благовещенске (Амурская область) и Якутске (Республика Саха [Якутия]), – мы с коллегами разработали варианты терминологии (Denisova-Schmidt, Solovyeva 2022; Денисова-Шмидт, Соловьева 2024), описывающей самые частотные практики, с которыми сталкиваются жители страны в повседневной жизни (таблица 1).

Таблица 1. Терминология граждан vs терминология экспертов.

Вопрос: По Вашему мнению, как часто Ваши знакомые и жители Вашего города прибегают к следующим практикам?
Вопрос: Как часто Вы сами используете следующие практики?

Терминология граждан согласно теории языковых игр Людвига Витгенштейна	**Терминология экспертов согласно *Transparency International***
Дарить подарки учителям, врачам, воспитателям в детских садах	Подарок
Решать свои проблемы через знакомых и по блату	Непотизм, или кумовство
Подделывать подписи и документы	Мошенничество
Давать деньги работникам ГИБДД, чтобы не платить штрафы	Взяточничество
Давать деньги работникам государственных учреждений	Взяточничество
Давать деньги преподавателям в вузах за зачеты и экзамены	Взяточничество
Давать деньги за прием ребенка в детский сад, школу, вуз	Взяточничество
Получать зарплату «в конверте»	Мошенничество

Похожую логику С.Ю. Барсукова и я использовали, анализируя результаты исследования взаимодействия бизнеса и власти во время предвыборных кампаний в России. По мнению респондентов, самые распространенные формы такого взаимодействия – это «поборы», когда власть приходит и собирает деньги с бизнеса; «кормушка» – когда некие лица перемещаются из бизнеса в политику и наоборот с целью обогащения и изменения соответствующих законов; и «свои люди во власти» – поддержка и продвижение определенных кандидатов, обязанных бизнесу. Все это в терминологии *Transparency International* не что иное, как «сговор», ротация «вращающиеся двери» и «конфликты интересов », соответственно (Barsukova, Denisova-Schmidt 2022; Denisova-Schmidt 2024).

Например, в рамках этнографического исследования, которое я проводила в 2013 году в пяти городах России – Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Хабаровске – и их окрестностях, респондентам был задан вопрос об отношении к практикам, которые мешают положительному развитию общества (таблица 2). Все представленные в опросе практики являются разными формами коррупции, но не все респонденты считали их негативными, особенно когда речь шла о подарках учителям и врачам (Denisova-Schmidt 2014; Денисова-Шмидт, Леонтьева 2022).

Таблица 2. Опрос населения vs терминология экспертов.

Вопрос: Какие из следующих практик, по Вашему мнению, мешают положительному развитию общества в целом?

Практики	**Терминология экспертов согласно *Transparency International***
Подтасовывание результатов выборов	фальсификация выборов
Устройство на работу друзей и родственников вместо людей, которые этого заслуживают	кумовство
Подарки врачам для того, чтобы получить хорошее медицинское обслуживание	подарок
Подарки для того, чтобы устроить детей в хорошую школу	подарок
Сообщение конфиденциальной информации для того, чтобы выиграть тендеры и конкурсы на государственное строительство	мошенничество
Неофициальная оплата для ускорения оформления документов	мошенничество
Убеждение журналистов в том, чтобы те не публиковали статьи на нежелательные темы	мошенничество
Использование скандальных разоблачений для того, чтобы избавиться от политических противников	мошенничество
Использование бюджетных средств, выделенных на развитие, в личных целях	мошенничество

Мы применяли ту же процедуру при опросах представителей бизнеса. Вместо того, чтобы говорить о коррупции в целом, мы говорили о конкретных практиках на языке респондентов (таблица 3) (Denisova-Schmidt, Huber 2014; Denisova-Schmidt, Prytula 2017; Shekshnia *et*. *al*. 2017).

Таблица 3. Ведение бизнеса в украинских компаниях.

Вопрос: Как часто компании, сопоставимые с Вашей, сталкиваются с нижеуказанными неформальными практиками?

Практики	**Терминология экспертов согласно *Transparency International***
Выбор победителей открытых тендеров по принципу неформальных связей и договоренностей	кумовство, непотизм
Получение сотрудниками региональных подразделений комиссионных или другого неформального вознаграждения (например, дорогих подарков) от поставщиков или покупателей	подарок, конфликт интересов

Практики	**Терминология экспертов согласно *Transparency International***
Выплата заработной платы и бонусов сотрудникам наличными без уплаты социального налога	мошенничество
Получение руководителями комиссионных или других материальных выгод от кандидатов на работу	подарок, конфликт интересов
Использование фондов компании / производственных и офисных площадей / сотрудников компании для получения личного дохода / выполнения частных поручений руководителей	злоупотребление властью
Использование неформальных инструментов (компрометирующих фактов, материалов службы безопасности, круговой поруки) в конкурентной борьбе	злоупотребление властью

Интересно, что одной из самых популярных неофициальных бизнес-практик являлась выплата зарплат сотрудникам наличными (речь идет о проектах, реализованных в 2013 и 2015 годах). Наши респонденты полагали, что если бы они платили сотрудникам белую зарплату, то сумма, выдаваемая на руки, сократилась бы примерно вдвое. Это демотивировало бы работников, уменьшило их производительность труда и подорвало моральный дух. Таким образом, бизнес решал свои проблемы. Работники и работодатели оставались довольны, но в долгосрочной перспективе это не совсем эффективная стратегия, особенно с точки зрения работников. Например, если они захотят взять кредит в банке, они смогут показать только свою официальную зарплату, и это может сказаться на той сумме, на которую они смогут рассчитывать, на первоначальном взносе, а также процентной ставке. Более того, при выходе на пенсию такие работники не смогут претендовать на достойные выплаты. Именно правильные языковые формулировки позволили нам получить в ходе исследования желаемые результаты. В дальнейшем, изучая определенные регионы, также стоит уделить внимание использованию, помимо государственных, языков различных народов, проживающих на этой территории. Например, проводя исследования в России, использовать языки коренных народов наряду с русским (Denisova-Schmidt, Solovyeva 2022; Денисова-Шмидт, Леонтьева 2022; Денисова-Шмидт, Соловьева 2024).

6. Заключение

Лингвистические методы, наряду с междисциплинарными подходами как таковыми в целом, помогают выявить культурные особенности восприятия коррупции и создают возможность более точного понимания ее форм и механизмов в разных странах и контекстах. В статье представлены лишь

некоторые из них. Так, например, теория лакун помогает осознать, что отсутствие или искажение терминов в языке может затруднять борьбу с коррупцией. Решение данной проблемы через создание новых терминов или их адекватную интерпретацию играет ключевую роль в разработке и имплементации антикоррупционной повестки. Социолингвистика и теория языковых игр подчеркивают важность использования языка респондентов для более глубокого понимания их отношения к коррупции. Разговоры о конкретных коррупционных практиках через язык, понятный участникам исследования, дают более точные результаты, которые отражают реальные культурные и социальные нормы. Это особенно актуально в случаях, когда коррупционные действия могут быть оправданы или не воспринимаются как нечто негативное.

Библиография

АЗБУКА АНТИКОРРУПЦИОНЕРА. Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл». URL: https://azbuka.transparency.org.ru (дата обращения: октябрь 2021 г.)

БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА, 1998: *Большой толковый словарь русского языка.* Сост. и ред. С.А. Кузнецов. РАН – Институт лингвистических исследований

ДЕНИСОВА-ШМИДТ Е., ЛЕОНТЬЕВА Э., 2022: *Коррупция на Дальнем Востоке: компромисс между народом и властью.* Москва: Common Place

ДЕНИСОВА-ШМИДТ Е.В., СОЛОВЬЕВА А.А., 2024: «Субрегиональные различия в отношении к бытовой коррупции на Дальнем Востоке России», in *Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств*, 2024, № 2 (3), 76–93

МАРКОВИНА И., ДЕНИСОВА-ШМИДТ Е., 2021: «Этнопсихолингвистическая теория лакун», in Стернин И., Уфимцева Н., Мягкова Е. (ред.), *Российская психолингвистика: итоги и перспективы* (*1966–2021*)*: Коллективная монография*. Москва: Институт языкознания – ММА, 172–178

МАРКОВИНА И.Ю., СОРОКИН Ю.А., 1989: «Лакуны как инструмент исследования понимания инокультурного текста: постановка проблемы», in Антипов Г., Донских О., Марковина И., Сорокин Ю. (ред.), *Текст как явление культуры*. Новосибирск: Наука СО АН, 84–171

ЧЕРНЫХ 1999: Черных П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. 1–2, 3-е изд., стер. Москва: «Русский язык»

ЭРТЕЛЬТ-ФИИТ А., ДЕНИСОВА-ШМИДТ Е., 2007: «Лакуны и их классификационная сетка», in *Вопросы психолингвистики*, 2007, № 6, 39–51. https://cyberleninka.ru/article/n/lakuny-i-ih-klassifikatsionnaya-setka/viewer (дата обращения: 3.4.2023)

BARSUKOVA S., DENISOVA-SCHMIDT E., 2022: «Double standards as modus operandi: mixing business and politics in Russia», in *Europe-Asia Studies*, 2022, № 74 (6), 990–1005

DENISOVA-SCHMIDT E., 2013: «Justification of academic corruption at Russian universities: a student perspective», in *Edmond J. Safra Working Papers*, 2013, № 30. http://ssrn.com/abstract=2353513

DENISOVA-SCHMIDT E., 2014: *Institutional Performance and Social Values in Russia*. Brussels, EU: ANTICORRP

DENISOVA-SCHMIDT E., 2015: «Transcultural studies in a Russian context», in Sánchez Y., Brühwiler C.F. (eds.), *Transculturalism and Business in the BRIC States: A Handbook*. London – New York: Routledge, 95–102

DENISOVA-SCHMIDT E., 2019: «Cross-cultural differences among students: challenges and opportunities for intelligent internationalization», in Godwin K.A., Wit H. de (eds.), *Intelligent Internationalization. The Shape of Things to Come*. Leiden: Brill – Sence, 56–60

DENISOVA-SCHMIDT E., 2023: «Applied aspects of lacuna theory», in *Mir Rossii*, 2023, № 32 (3), 167–179

DENISOVA-SCHMIDT E., 2024: «Ein Rückblick auf die Korruption in Russland», in *Zeitschrift für Slawistik*, 2024, № 69 (4), 673–694

DENISOVA-SCHMIDT E., 2025: *Breaking the Bonds of Corruption: From Academic Dishonesty to Informal Business Practices in Post-Soviet Ukraine*. Cambridge, MA: Harvard University Press

DENISOVA-SCHMIDT E., HUBER M., 2014: «Regional differences in perceived corruption among Ukrainian firms», in *Eurasian Geography and Economics*, 2014, № 55 (1), 10–36

DENISOVA-SCHMIDT E., HUBER M., PRYTULA Y., 2019: «The effects of anti-corruption videos on attitudes toward corruption in a Ukrainian online survey», in *Eurasian Geography and Economics*, 2019, № 60 (3), 304–332

DENISOVA-SCHMIDT E., HUBER M., PRYTULA Y., 2022: «Perceived anonymity and cheating in an online experiment», in *Eastern European Economics*, 2022, № 60 (6), 540–558

DENISOVA-SCHMIDT E., KUDRJAVCEVA E., 2013: «Is it a bribe, or not? Challenges in communicating with Russian officials», in *AATSEEL (The American Association of Teachers of Slavic and East European Languages) Newsletter*, 2013, vol. 56, issue 3–4, December 2013, 7

DENISOVA-SCHMIDT E., MARKOVINA I., NICOLAS-KRYZHKO L., 2020: «The lacuna model: a new approach to cross-cultural management research», in *International Journal of Cross Cultural Management*, 2020, vol. 20, № 3, 329–344. doi: 10.1177/1470595820973448

DENISOVA-SCHMIDT E., PRYTULA Y., 2017: «Perceived corruption and trust among Ukrainian firms», in *Eastern European Economics*, 2017, № 55 (4), 324–341

DENISOVA-SCHMIDT E., SOLOVYEVA A., 2022: «On subregional differences in attitudes towards petty corruption in Far East Russia», in *Demokratizatsiya*: *The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2022, № 30 (2), 187–210

ERTELT-VIETH A., 1990: *Kultuvergleichende Analyse von Verhalten, Sprache und Bedeutungen im Moskauer Alltag. Beitrag zu einer empirisch, kontrastiv und semiotisch ausgerichteten Landeswissenschaft*. Frankfurt am Main *et al*.

ERTELT-VIETH A., 2005: *Interkulturelle Kommunikation und kultureller Wandel: Eine empirische Studie zum russisch-deutschen Schüleraustausch*. Tübingen: Gunter Narr

ERTELT-VIETH A., DENISOVA-SCHMIDT E., 2011: «Lakunen-Analyse zur empirischen Forschung interkultureller Kommunikation: Methodologie», in Roesch O. (Hrsg.), *Osteuropa: Interkulturelle, interlinguale und kulturvergleichende Studien*. Berlin: News & Media, 170–187

GRODZKI E., 2003: *Using Lacuna Theory to Detect Cultural Differences in American and German Automotive Advertising* [Kulturwissenschaftliche Werbeforschung, 3]. Frankfurt am Main: Peter Lang

HEINZEN J., 2016: *Art of the Bribe: Corruption Under Stalin*, *1943–1953*. Yale University Press

LEDENEVA A., 2011: «Open secrets and knowing smiles», in *East European Politics and Society*, 2011, № 25 (4), 720–736

LEDENEVA A. (ed.), 2018: *The Global Encyclopaedia of Informality*, vol. I-II. London: University College London Press

LEDENEVA A. (ed.), 2024: *The Global Encyclopaedia of Informality*, vol. III. London: University College London Press

MESTHRIE R., LEAP W.L., DEUMERT A., SWANN J. (eds.), 2010: *Introducing Sociolinguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press

PANASIUK I., 2005: *Kulturelle Aspekte der Übersetzung: Anwendung des ethnopsycholinguistischen Lakunen-Modells auf die Analyse und Übersetzung literarischer Texte*. Berlin: LIT

PANASIUK I., 2010: «Definition of the lacuna phenomenon in the theory of translation», in *Journal of Psycholinguistics*, 2010, № 11, 42–46. https://iling-ran.ru/library/voprosy/11.pdf (дата обращения: 3.4.2023)

PANASIUK I., 2016: *Polyvarietät der Übersetzung*. Hamburg: Dr. Kovac Verlag

PANASIUK I., SCHRÖDER H. (Hrsg.), 2006: *Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung*. Berlin: LIT

SHEKSHNIA S., LEDENEVA A., DENISOVA-SCHMIDT E., 2017: «Managing business corruption: targeting non-compliant practices in systematically corrupt environments», in *Slavonic and East European Review*, 2017, № 95 (1), 151–174

TENZER H., TERJESEN S., HARZING A.-W., 2017: «Language in international business: a review and agenda for future research», in *Management International Review*, 2017, № 57, 815–854